

УДК: 93/94:2(045)

Великий печальник за Отечество. Патриарх Гермоген

ЦВЕТКОВ СЕРГЕЙ ЭДУАРДОВИЧ, преподаватель Международного университета в Москве, автор книги «Русская история» в 4 т. и ряда биографических исследований.
E-mail: cer6042@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена жизни и деятельности Патриарха Гермогена (ок. 1530–1612), сыгравшего ключевую роль в событиях Смутного времени в качестве вдохновителя национального сопротивления польско-литовским интервентам. В статье так же рассказывается о приходе на патриарший престол Филарета, получившего в последствии титул «Великий государь».

Ключевые слова: династия Романовых; польско-литовская интервенция; Русская Православная Церковь; Юриковичи; Смутное время.

Great Intercessor for the Motherland. Patriarch Germogen

SERGEY E. TSVETKOV, Professor, International University in Moscow, the Author of the Book «Russian History» in 4 Volumes and a Number of Biographical Research Works.
E-mail: cer6042@yandex.ru.

Abstract. The article considers the life and activity of Patriarch Hermogen (about 1530–1612), who played a key role in the events of the time of Troubles as a mastermind of the national resistance to the Polish-Lithuanian invaders.

Keywords: the Romanovs dynasty; the Polish-Lithuanian intervention; the Russian Orthodox Church; Rurikovichi; the time of Troubles.

Летом 1610 г. польский гетман Жолкевский, разбив русское войско, подошел к Москве. От имени короля он обещал Русской земле покой и тишину, если на московский престол сядет сын Сигизмунда, королевич Владислав. Народ в Москве забурлил. 27 июля воевода Захар Ляпунов собрал у Арбатских ворот большую толпу и повел ее в Кремль сводить царя Василия с престола. Услыхав требование добровольно оставить царство, Шуйский было взбеленился и замахнулся на Ляпунова ножом, который, как и всякий москвич, носил у себя на поясе. Но плечистый Ляпунов только презрительно прикрикнул на царя:

— Василий Иванович, не замахивайся на меня, а я тебя тут же и изотру!

В это время в палату вошли бояре и сказали, что вся земля бьет Шуйскому челом, чтобы он оставил царство, потому что никто его не любит и слушать ему не хочет. Шуйскому не оставалось ничего

другого, как подчиниться. Однако его на всякий случай насильно постригли в монахи и отвели в Чудов монастырь. Патриарх отказался признать этот незаконный постриг, но это ничего не изменило. Позже Шуйского отправили пленником в Польшу, где он через несколько лет и скончался.

Власть перешла к боярской думе в лице семи знатнейших бояр: Мстиславского, Воротынского, Трубецкого, Голицына, Романова, Шереметева и Лыкова. Началось правление так называемой «семибоярщины» под председательством князя Федора Мстиславского.

Народ собирался на улицах и обсуждал, кого избрать царем. Между боярами и дворянами не было согласия. Первый из бояр, Мстиславский, стоял за избрание польского королевича Владислава, но Патриарх Гермоген был иного мнения.

— Чего вы ждете от поляков, если не окончательного разорения царства и православной

веры? — с укором говорил святитель боярам. — Разве нельзя избрать на царство кого-либо из князей русских?

Наилучшим выходом из сложившейся ситуации, по мысли святителя, было бы избрание государя Земским собором. Разосланная по стране окружная грамота Патриарха объявляла, что все должны насмерть биться против поляков, литовцев и самозванца, «а на Московское государство выбрать нам государя всею землею, собравшись со всеми городами, которого нам государя Бог подаст».

В качестве возможного избранника Патриарх указал на князя Василия Голицына или на юного Михаила Федоровича Романова, отец которого, постриженный в монахи по приказанию Бориса Годунова с именем Филарета, теперь был митрополитом Ростовским. Для пущего вразумления он даже приказал служить молебны об избрании царя «от корня российского рода». Но бояре поддерживали Мстиславского. Патриарх принужден был уступить, однако поставил твердое условие, что 15-летний королевич перейдет в православную веру, женится на православной, не будет иметь сношений с Папой римским и станет карать смертью за переход в католичество.

— Иначе, — грозил Патриарх боярам, — вы будете лишены милости Бога и Пресвятой Богородицы и примете месть от Бога наравне с еретиками и богоотступниками.

Бояре поспешили сообщить обо всем Жолкевскому, стоявшему под Москвой. Гетман не согласился без ведома Сигизмунда давать от имени королевича требуемые обещания, но в то же время заключил с Думой договор, согласно которому власть Владислава была ограничена Боярской Думой и Земским собором. Владислав не имел права изменять народных обычаев, отнимать имущество, ссылать и казнить без думного постановления, ставить на должности иноземцев, как-то ущемлять Православную Церковь и духовенство, строить в Русской земле костелы и кирки. Включили статью и о том, чтобы быстрее поймать Вора с Мариной.

В течение трех месяцев Москва и почти все остальные русские города и земли присягали Владиславу. В Москве присяга длилась семь недель. Мстиславский с товарищами радовались. Но Патриарх Гермоген не скрывал своей скорби. Богомудрый святитель «плакался пред всем народом и просил молить Бога, чтобы Он воздвиг царя русского».

А пока, за неимением такового, оставалось служить Отечеству и Церкви.

* * *

Вскоре под Смоленск, к королю Сигизмунду, было отправлено «великое посольство», численностью более пяти тысяч человек, во главе с Ростовским Митрополитом Филаретом и князем Василием Голицыным. Послам был дан наказ требовать от короля, чтобы Владислав перешел в православную веру, не поддерживал сношений с папой римским, а когда женится, то чтобы невесту взял из какого-либо русского, боярского рода.

Патриарх Гермоген написал два письма: одно — королю, а другое — королевичу. Сигизмунда он умолял отпустить сына в православие, а Владислава — принять православную веру. В обращении к послам он горячо их просил оберечь веру:

— Вы, как мученики, хотящие мучиться, — сказал Патриарх, — даже до смерти не щадите жизни своей: за таковые подвиги вы получите венцы царствия небесного.

— Лучше умереть за православную христианскую веру, нежели учинить что-либо постыдное! — отвечал Митрополит Филарет. И действительно, в посольстве и в польском лагере ему пришлось столкнуться с многими кознями, а затем изрядно пострадать в плену.

Одиннадцатого сентября посольство выехало из Москвы и спустя месяц прибыло под Смоленск. Им был оказан торжественный прием, но переговоры сразу зашли в тупик. Во время данного русского послам приема неожиданного выяснилось, что Сигизмунд сам хочет царствовать на Руси и помимо того требует сдать ему Смоленск. Фактически это означало присоединение России к Речи Посполитой.

Послы оповестили Москву об «обманке» короля.

В столице и без того было неспокойно. Народ волновался, и Жолкевский вступил в переговоры с боярами о том, чтобы впустить польские войска в Москву, для охраны столицы от внутренних бунтовщиков и шаек Тушинского вора, который вновь появился в окрестностях Москвы. Первосвятитель воспротивился этому. Но бояре грубо заявили ему:

— Твое дело, Святейший, смотреть за церковными делами, а в мирские не следует тебе вмешиваться. Исстари так ведется, что не попы управляют государством.

В ночь на 21 сентября 1610 г. поляки вошли в Москву и разместились в самом сердце столицы — Кремле, Белом городе и Китай-городе.

Поначалу Жолкевский держал распушенных шляхтичей в железной узде. Для нарушителей

дисциплины он учредил военный суд, куда попросил войти и думных бояр. Виновников бесчинств наказывали сурово и без промедления. Так, некий шляхтич Блинский, напившись, несколько раз выстрелил в икону Пресвятой Богородицы, висевшую на воротах Белого города. По решению военного суда ему отрубили руки, а потом бросили в костер. Другой шляхтич похитил боярскую дочь и его по московским законом выдрали кнутом до полусмерти. Буяну, ударившему в споре православного священника, отсекали руку, а группу немецких наемников, ограбивших церковь, расстреляли.

Этими поступками гетман заслужил себе уважение со стороны Патриарха Гермогена. Однако вскоре король Сигизмунд отозвал его к себе, и оставшиеся в Москве поляки, почувствовав волю, предались насилиям и бесчинствам. В погоне за наживой они врывались в дома и храмы. Многие годы спустя в кремлевской церкви Святого Иоанна показывали «отвращенную» икону святого Николая: по преданию взоры святого отвратились при виде поругания святыни, чинимого чужеземцами. Наконец, поляки дорвались до государевой казны и началось беззастенчивое расхищение сокровищ.

Возмущением москвичей решил воспользоваться Тушинский вор. Каждый день в Москве ловили лазутчиков лжецарька, которому присягнули Суздаль, Владимир, Ростов, Галич, Юрьев-Польский, Казань и Вятка.

Угроза столице со стороны Вора вынудила Сигизмунда послать на помощь москвичам сильный отряд. Его приближение так напугало Вора, что он решил отступить на Дон, к Воронежу. Но время его уже истекло — Вор отбегался. 22 декабря 1610 г. он был убит во время охоты крещеным татарским мурзой Петром Араслановичем Урусовым. На следующий день поделщики Вора нашли его тело и похоронили в одной из калужских церквей.

Между тем под Смоленском продолжались тяжелые переговоры с Сигизмундом. Русские послы проявляли такую же несговорчивость, как и смоленский гарнизон. Но в Москве пан Гонсевский, заменивший Жолкевского, усиленно ратовал за своего короля. Ему усердно помогали продавшиеся за деньги полякам боярин Михайло Салтыков и мелкий кожевник Федька Андронов.

Вся московская власть оказалась развращена и коррумпирована. Патриарх Гермоген один оставался верен православной вере и государственным интересам России. Святитель начал писать

грамоты, призывая русские города ополчиться на поляков для избавления святой Руси от бед. По свидетельству самих поляков, «Патриарх Московский тайно разослал по всем городам грамоты, которыми, разрешая народ от присяги королевичу, тщательно убеждал соединенными силами как можно скорее спешить к Москве, не жалея ни жизни, ни имущества для защиты христианской веры и для одоления неприятеля».

Мстиславский, Салтыков, Андронов и другие, видя, что в городах собираются ополчения, явились к Патриарху Гермогену и стали просить его:

— Благослови, святой Владыка, народ на присягу королю Сигизмунду, да подпиши вот эти грамоты: дескать, русские люди во всем полагаются на его королевскую волю и готовы подчиниться ему беспрекословно. А другая грамота к смоленским нашим послам, чтоб они ни в чем не прекословили королю. Чего он хочет, тому и быть.

— Я согласен писать королю, — ответил Патриарх, — но не о том и не так. Если король даст сына своего на Московское государство и Владислав крестится в православную веру и всех польских людей выведет вон из Москвы, то я к такому письму руку свою приложу и прочим властям повелю то же сделать. А чтобы писать так, как вы пишете, что нам всем положиться на королевскую волю и повелеть послам московским сделать то же самое, то это, ведомое дело, значит, нам целовать крест самому королю, а не королевичу — таких грамот ни я, ни прочие власти писать не будем и вам не повелеваем. Если же вы меня не слушаете, то я возложу на вас церковную клятву и прокляну всех, кто пристанет к вашему совету. К восставшим же на защиту Отечества гражданам писать буду: если королевич примет единую веру с нами и воцарится, то повелеваю и благословляю твердо пребывать в послушании к нему; если же и воцарится, да единой веры с нами не примет и людей польских из города не выведет, то я всех тех людей, которые уже крест ему целовали, благословляю идти на Москву и страдать за веру до смерти.

В ответ на слова Владыки Михайло Салтыков в гневе закричал:

— Я убью тебя!

С этими словами он выхватил нож из-за пояса и замахнулся на святителя. Патриарх Гермоген осенил его крестом и спокойно произнес:

— Не страшусь ножа твоего, но вооружаюсь силою Креста Христова против твоего дерзновения. Будь же ты проклят в этом веке и в будущем.

Опомнившись, Салтыков упал в ноги святителю и просил у него прощения.

На следующий день в Успенском соборе святитель обратился к народу с речью, убеждая собравшихся не присягать королю, но встать на защиту веры и Отечества. Эти слова нашли самый живой отклик в сердцах людей. Бояре же отправили грамоту смоленскому воеводе с предписанием сдать город королю, а послам — признать волю короля Сигизмунда. Но поскольку подпись Гермогена под этим документом отсутствовала, князь Голицын и Митрополит Филарет заявили, что не станут выполнять содержащиеся в нем наказания.

— У нас, — говорил полякам Василий Голицын, — издавна так велось при прежних государях: когда какое-либо государственное или земское дело начиналось, то все государи наши призывали на совет Патриарха и митрополитов и архиепископов и без их совета ничего не приговаривали. Ныне по грехам нашим мы остались без государя, а Патриарх у нас человек начальный (главный. — С. Ц.), и без Патриарха ныне о таком деле советовать непригоже.

А Митрополит Филарет добавил, что кого патриарх «свяжет словом — того не только царь, сам Бог не разрешит!»

Взбешенный король повелел заключить руководителей посольства под стражу и отослать в Польшу. Всякие переговоры были прекращены.

Между тем, под влиянием грамот Патриарха в стране стало зарождаться сопротивление польским интервентам. Возглавил его рязанский дворянин Прокопий Ляпунов. В 1611 г. он выступил с призывом ко всему народу спасти Отечество от поляков с тем, чтобы служить тому царю, которого изберут, по Божьему соизволению, всею землею. Московским же боярам он отправил грамоту с угрозой изгнать их из столицы как недругов. В Рязань стали стекаться ратные люди из Ярославля и Нижнего Новгорода, из Суздаля и Мурома, Вологды и Поморья. Пришли донские казаки во главе с атаманом Заруцким и даже остатки армии Тушинского вора. Князь Дмитрий Иванович Пожарский — будущий спаситель России — командовал в первом ополчении передовым отрядом.

Устрашенный этими приготовлениями начальник польского гарнизона Гонсевский явился к Патриарху Гермогену и грубо сказал:

— Ты — первый зачинщик измены и всего возмущения. По твоему письму ратные люди идут

к Москве!.. Отпиши им теперь, чтобы они отошли, а то мы велим уморить тебя злой смертью.

— Что ты мне угрожаешь? — бесстрашно ответил Патриарх. — Единого Бога я боюсь. Ты мне обещаешь злую смерть, а я надеюсь получить через нее венец небесный. Уйдите вы все, польские люди, из Московского государства, и тогда я благословлю всех отойти прочь. А если вы останетесь, — мое благословение: всем стоять и помереть за православную веру!

За Гонсевским прибыл Салтыков и стал требовать того же, что и Гонсевский. Святитель Гермоген и ему отвечал:

— Если ты и с тобою все изменники и поляки выйдете из Москвы, то напишу, чтоб ополчения возвратились, и тогда все умирится... Благословляю всех достойных вождей христианских утолить печаль Церкви и Отечества!

Русских же людей Патриарх оповестил: «Враги уже почти в руках наших, когда ссадим их с шеи и освободим государство от ига, тогда кровь христианская перестанет литься, и мы, свободно избрав себе царя из рода русского, с уверенностью в нерушимости веры православной не примем царя латинского, которого навязывают нам силой и который влечет за собою гибель нашей стране и народу, разорение храмам и пагубу вере христианской!»

Видя, каким влиянием пользуются слова святителя, поляки приставили к нему стражу, не пропускавшую даже его дворовых слуг; патриарший двор был разграблен. Лишь изредка Патриарху удавалось тайком поговорить с русскими людьми, которые со всех сторон приходили к Москве, чтобы получить благословение от великого печальника за Отечество.

— Писать мне нельзя, — говорил в таких случаях святитель, — все побрали поляки, и двор у меня пограбили. А вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу, и московских чудотворцев, стойте все заодно против ваших врагов.

То великое значение, которое приобрел томившийся в иноземном плену Патриарх в глазах русских людей, хорошо выразил автор «Новой повести о преславном Российском царстве и великом государстве Московском, о страдании нового страсотерпца Святейшего Гермогена, Патриарха всея Руси», написанной во время заточения святителя: «О столп крепкий и непоколебимый! О крепкая стена и забрало у Бога и Пречистой Его Матери! О твердый алмаз, о поборник непобедимый! О непреклонный веры заступник! О воистину

пастырь неложный!.. И видим все: не даст слову Божию пропасть на земле и, хотя всегда рядом со смертью ходит возле общих наших врагов и губителей, однако хранит надежду на Творца нашего и Божию Матерь, и на великих чудотворцев, общих наших заступников и богомольцев. Ежели ему, государю, и случится за слово Божие умереть — не умрет, но жив будет вовеки. Во всеулышание и решительно следует сказать: если бы таких великих, стойких и непоколебимых столпов было у нас не мало, то никогда бы в нынешнее злосчастное время наша бы святая и непорочная вера от тех душепагубных волков, от явных врагов, чужих и своих, не пала, но еще более бы просияла... А ныне один уверенно стоит и всех держит, а врагам сурово грозит... Один только у нас ныне есть у Бога и Пречистой Его Матери стена и забрало, так это он, государь, великий святитель и крепкий заступник».

«Первопрестольник Апостольской Церкви Святейший Гермоген Патриарх, — писали москвичи русским послам под Смоленск, — душу свою полагает за веру христианскую несомненно, а за ним следуют все православные христиане».

* * *

В марте 1611 г. первое народное ополчение подошло к Москве.

Опасаясь народного возмущения, Гонсевский освободил Гермогена на один день — в Вербное воскресенье — для того, чтобы святитель мог совершить традиционное шествие на осляти.

Гонсевский с русскими изменниками еще раз решили повлиять на непреклонного старца, но услышали в ответ:

— Я уже говорил вам, что не буду писать к полкам, стоящим под Москвою, и ничего другого от меня не услышите.

Тогда поляки бросили Патриарха в подземелье Чудова монастыря, под охрану 50 стрельцов, и объявили его лишенным патриаршего сана. В темнице святитель испытывал ужасные лишения. Ему запретили разговаривать с кем-либо из русских и покидать тесную келью. Великого старца морили голодом, выдавая «на неделю сноп овса и мало воды в кувшине».

Тем временем в Москве вспыхнуло народное восстание. На улицах стали стихийно возникать завалы, откуда по полякам вели прицельную стрельбу из ружей. Одновременно отряд князя Пожарского штурмом овладел Белым городом. Чтобы

остановить продвижение ополченцев, поляки подожгли Москву и отступили в Кремль. Деревянные московские посады в считанные часы превратились в пепелище. На улицах столицы валялись небуранными до семи тысяч обгорелых трупов.

Несмотря на это, ополчение Ляпунова с каждым днем сжимало вокруг поляков кольцо осады. Однако раздоры в русском стане позволили полякам удержать за собой столицу. Смелый и прямодушный Прокопий Ляпунов восстановил против себя других предводителей ополчения. С особенной ненавистью к нему относились казаки Заруцкого, поскольку Ляпунов издал указ, грозивший смертью всякому мародеру и грабителю. Вскоре случилось так, что 25 донцов были застигнуты во время совершения разбоя и во исполнение указа брошены в воду. Казаки в лагере пришли в ярость. Они вызвали Ляпунова в свой круг, набросились на него и изрубили в куски.

С гибелью Прокопия Ляпунова первое ополчение распалось на отдельные отряды и отступило от Москвы. В это же время король польский все-таки взял Смоленск, а шведы заняли Новгород.

26 сентября 1611 г. в Варшаве собрался сейм, на котором о завоевании Московии говорили как о деле конченном. «Глава государства и все государство, армия и ее начальники — все в руках короля», — заявил один сенатор при шумном одобрении зала.

Казалось, часы истории отбивают последние мгновения существования Российской державы. Но голос восьмидесятилетнего старца святителя Гермогена, подобно набату, звучал даже из темницы. Сумевшие проникнуть к нему в монастырскую темницу дворянин Роман Пахомов и горожанин Родион Моисеев говорили, что он молился перед образом Богородицы, и слезы непрерывно текли из старческих глаз.

Патриарх передал тайным посетителям свою последнюю грамоту, адресованную жителям Нижнего Новгорода. В этой грамоте великий старец посылал всем восставшим за Родину благословение в этом веке и в будущем за то, что они стоят за веру твердо. «А Маринкина сына не принимайте на царство: я не благословляю. Везде говорите моим именем!» — поучал святой старец.

Последняя грамота страдальца-Патриарха совершила великое дело. Когда в октябре 1611 г. она дошла до Нижнего Новгорода, то здешний староста Козьма Захарьевич Минин-Сухорукий воззвал к народу:

— Православные, поможем Московскому государству, не пожалеем животов наших, да не токмо животов — дворы свои продадим, жен, детей заложим. Дело великое! Но Бог нам поможет.

На другой день жертвенный порыв охватил весь город. Люди отдавали последнее. Минина единодушно выбрали старшим начальным. Потом стали думать, кому ударить челом быть их воеводой и установили выбор на князе Дмитрие Михайловиче Пожарском, который в это время залечивал раны в своей суздальской вотчине.

В июле 1612 г. ополчение Минина и Пожарского двинулось из Нижнего к Москве. Полки несли Казанскую икону Божией Матери — ту самую, что принял в свои руки Гермоген более тридцати лет назад. Поход завершился освобождением Москвы и всей России. Но Патриарху уже не суждено было увидеть плоды своих трудов. Когда поляки и московские изменники узнали о движении нижегородского ополчения к Москве, они стали требовать от Патриарха, чтобы тот выступил с осуждением ополченцев. Мужественный старец ответил решительным отказом:

— Да будут те благословенны, которые идут на очищение Московского государства, а вы, окаянные изменники московские, да будете прокляты!

Святитель мученически скончался 17 февраля 1612 г., исполнив до конца святой долг перед Отечеством и Церковью. Что сотворили над ним поляки, остается неизвестным. Одни современники говорили, что святитель умер голодной смертью, другие — что он был отравлен печным дымом («от зноя задохнулся») или был удушен.

Спустя несколько месяцев после его смерти, 4 ноября 1612 г., Москва была освобождена от поляков, а 21 февраля 1613 г. осуществилось и другое желание Патриарха: Земский собор избрал на Российский престол юного Михаила Федоровича Романова, на которого Святейший Патриарх указал еще в 1610 г.

ПАТРИАРХ СМУТЫ (ФЕДОР НИКИТИЧ РОМАНОВ)

Жизнь начиналась, как широкая масленица, где было все, и всего было в избытке.

Для боярина наипервейшее — знатность происхождения. Род Федора Никитича, будущего патриарха Филарета, восходил к Андрею Ивановичу Кобыле, московскому боярину, жившему в первой половине XIV в. при великих князьях Иване Даниловиче Калите и Симеоне Ивановиче Гордом.

Многочисленные потомки его женились с большим разбором, и дочерей своих пристраивали с немалой выгодой. Наибольшая честь выпала деду Федора Никитича, Роману Захарьину-Юрьеву, чья дочь Анастасия стала первой женой Ивана Грозного и московской царицей. В память своего деда Федор Никитич первым в роду начал носить фамилию «Романов».

На втором месте для боярина — почет. О нем позаботился отец Федора Никитича, Никита Романович, который был боярин свойственный, то есть состоявший в родстве (свойстве) с царем и царицей. Даже после внезапной смерти Анастасии он не потерял расположения государя и в 1584 г., согласно последней воле Ивана Грозного, возглавил опекунский совет из пяти персон, назначенный для присмотра над слабоумным наследником царевичем Федором. Царев шурином Борис Годунов в этом совете скромно сидел на четвертом месте, но опытный Никита Романович, прозревая будущее, перед своей кончиной именно ему поручил заботу о своих детях.

Борис Годунов, став всемогущим распорядителем при царе Федоре Ивановиче, поначалу держал слово. Всем семи братьям Романовым были оказаны милости, особенно старшему Федору Никитичу, занявшему опустевшее место главы рода. Несмотря на свою молодость (на момент смерти отца, в 1586 г., ему было около 32 лет), он стремительно продвигался по чиновной лестнице. Разрядные книги отмечают его в 1589 г. на десятом месте среди виднейших бояр, в следующем, 1590 г., — на шестом, а к концу царствования последнего Рюрика Федор Никитич Романов уже имел чин главного дворового воеводы (главнокомандующего). Он исправлял, не выезжая из Москвы, должность наместника псковского и считался одним из трех руководителей государевой Ближней Думы. Впрочем, ни особых воинских подвигов, ни великих государственных дел за ним не числилось.

В эти годы Федору Никитичу вполне открылась и третья статья счастливой боярской жизни — изобильное благополучие. У него было все, что только могло поразить воображение тогдашнего москвича: богатый дом, всегда открытый для гостей, пышный выезд, толпа верных холопов, всюду его сопровождавших, лучшие охотничьи собаки и ловчие птицы. Статный красавец, он умел так ловко носить московские и польские кафтаны последнего покроя, что между портными вошло в обычай говорить заказчику, примеривая на нем платье:

«Ты теперь вылитый Федор Никитич!» В 1593 г. его «золотный» наряд (роскошное одеяние из золотой парчи) произвел неизгладимое впечатление на посла императора Рудольфа.

Словом, на Москве Федор Никитич слыл добрым, ласковым и щедрым боярином. Женился он на Ксении Ивановне Шестовой — девице из небогатого, но древнего рода. У них было пятеро сыновей и дочь, из которых отца пережил лишь один Михаил Федорович.

И все было бы славно и хорошо, если бы за масленицей не следовал с неизбежностью Великий пост.

* * *

В 1598 г. умер бездетный царь Федор Иванович. В своем духовном завещании он отказал державу трем лицам — «святейшему Иову патриарху... да брату своему Федору Никитичу Романову, да шурину своему... Борису Федоровичу Годунову».

Федор Никитич, не имевший опыта политических интриг, не посмел коснуться шапки Мономаха, и Годунов поспешно возложил ее на свою голову. Сразу же после воцарения его отношение к Романовым резко изменилось. От царского престола на Федора Никитича пахнуло холодным ветром. При новой разрядной росписи он не только не удостоился первого воеводства ни в одном полку, но был помещен последним в списке бояр.

Со стороны могло показаться, что старший Романов перенес оскорбление смиренно. Он послушно занял отведенное ему место при новом дворе. Но то была всего лишь видимость кротости. Беспечный щеголь умер, родился политик.

Вокруг Романовых постепенно сплотились боярские роды, недовольные «безродным татаринцом» на троне. В этом кружке и была высижена мысль о самозванце как эффективном орудии борьбы против Годунова.

На эту роль была выбрана забубенная голова — Юшка (Григорий) Богданов сын Отрепьев, в прошлом холоп на дворе у Михаила Романова, брата Федора Никитича. Замешанный в каком-то тяжелом преступлении, за которое ему грозило суровое наказание, он бежал из Москвы и постригся в монахи в глухом монастыре в Ярославской области. И вдруг невидимая рука извлекла его из ярославских лесов и вновь привела в столицу — и не куда-нибудь, а на патриарший двор, где его назначили переписчиком. Зачем это было сделано, догадаться нетрудно. По обязанности службы Отрепьев

должен был ознакомиться в архивах с материалами угличского следственного дела 1591 г. о смерти царевича Дмитрия, и должность патриаршего секретаря обеспечивала доступ к этим важным документам. Одновременно заговорщики начали распространять слухи о том, что царь Борис виновен во множестве злодеяний, — в частности, он якобы подослал убийц к царевичу Дмитрию и приказал задушить царя Федора.

Механизм Смуты был запущен. Но Романовы и их сообщники не успели использовать свое тайное орудие, Борис опередил их.

За неимением прямых улик весной 1601 г. на Романовых было сострепано дело о том, что они хотят «достать царство», отравив Бориса. Сейчас же на дворе у Александра Никитича Романова, по навету его казначея, были обнаружены мешки с «отравным зельем», которого хватило бы на то, чтобы отравить пол-Москвы. Романовых немедленно взяли под стражу. Арестованных, а также их дворню пытали, но добиться признания ни от кого не смогли. Поэтому обошлось без казней. Федора Никитича постригли в монахи под именем Филарета в далеком Антониево-Сийском монастыре. Его жену вместе с детьми, среди которых находился малолетний Михаил — будущий основатель династии, сослали в Пермскую волость. Прочих братьев рассеяли по отдаленным городам. Из шести арестованных братьев Романовых выжили только двое: Филарет и Иван, остальные умерли в ссылке.

Казалось, жизнь — привычная жизнь — кончилась навсегда. В смертельной тоске новоиспеченный монах горевал о своей семье, с которой уже не чаял увидеться: «Беда моя — жена да дети: как их вспомнишь, так точно рогатиной в сердце колет».

И вдруг весной 1605 г. его настроение резко переменилось, он словно ожил. Монахи Сийского монастыря, Иринарх и Леонид, приставленные следить за Филаретом, донесли Годунову о странном поведении узника, который живет-де не по монастырскому чину, даже в Великий пост не исповедовался, в храме не бывал, а всегда смеется неведомо чему и говорит про мирское жительство, про ловчих птиц и собак да как он в миру жил, на старцев же лает и бить их посохом хочет, и говорит им: «Увидите, каков я впредь буду!»

Беспричинное с виду веселье Филарета на самом деле имело вескую причину: это было время, когда названный Дмитрий уже шел на Москву, одерживая победу за победой над царскими войсками. Дело шло к свержению Годунова. И вот, слыша о появлении

победоносного царевича, что должен был подумать Филарет? Он решил, что мина, заложенная им пять лет назад под Борисов трон, взорвалась!

Велико же было его изумление, когда, приехав в Москву из своей северной ссылки, он увидел, что вместо Григория Отрепьева на царский престол сел кто-то другой [1]. Сам он называл себя сыном Грозного и утверждал, что в Угличе зарезали подставного младенца, а его — истинного царевича — скрыли от подосланных Годуновым убийц и спасли. Растерянный Филарет вновь ушел в тень. Его страстное желание сбросить насильно навязанный монашеский клобук и вернуться в мир не исполнилось. По некоторым сведениям, в начале 1606 г. он был соборным старцем в Троице-Сергиевом монастыре.

* * *

Недолгое правление названного Дмитрия закончилось в мае 1606 г. Новый царь Василий Шуйский, не пользовавшийся доверием народа, попытался опереться на авторитет Церкви. При нем самые видные церковные посты заняли люди, не запятнавшие себя сделками с прежней властью. Ставленник названного Дмитрия патриарх Игнатий был низложен, и на его место избран Казанский митрополит Гермоген — ярый противник «латинства». Филарет был поставлен в ростовские митрополиты, несмотря на то, что он «божественное писание разумел отчасти». Это было высокое назначение. В росписи церковных владык ростовский архиерей занимал третью степень после митрополитов Новгородского и Казанского.

Этот новый излом его судьбы показал, что Филарет окончательно отказался от мысли вернуться к мирской жизни. Оставаясь по сути светским политиком, он связал свой удел с могучей силой, которой предстояло стать последней опорой разваливавшейся русской государственности — Православной Церковью. Отныне он держит себя с достоинством государственного мужа.

Между тем испытания его отнюдь не закончились. 11 октября 1608 г. поляки Сапеги и казаки врываются в Ростов, грабят город, а захваченного в плен митрополита «с бесчестьем» везут в Тушинский лагерь под Москвой. Здесь, однако, Филарета ждут неожиданные почести. Тушинский вор, разыгрывающий роль царевича Дмитрия, — родственника Романовых, — объявляет ростовского митрополита Патриархом Московским и всея Руси.

Филарет подчинился обстоятельствам, но вел себя осторожно, «не склоняясь ни направо, ни

налево», по словам келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына. Он не столько служил Вору, сколько духовно окормлял православную паству Тушинского лагеря. При случае всегда подчеркивал условность своей патриаршей власти. Единственная его грамота, сохранившаяся от того времени, начиналась словами: «Благословение великого господина преосвященного Филарета, митрополита ростовского и ярославского, нареченного Патриарха Московского и всея Руси».

Не случайно законный Патриарх Гермоген, непреклонный по отношению к изменникам, никогда не ругал тушинского «антипатриарха». Так, в феврале 1609 г. он пишет обличительную грамоту тушинцам, где между прочим говорится: «а которые взяты в плен, как Филарет Митрополит и прочие, не своею волею, а силою, и на христианский закон не посягают, крови православных братий своих не проливают; таких мы не порицаем, но молим о них Бога».

После свержения Шуйского оба Патриарха оказались рядом, в одном стане с теми, кто готов был пролить свою кровь для прекращения Смуты. Лояльность Филарета была вознаграждена. Во время споров в Боярской думе о кандидатуре нового государя из уст патриарха Гермогена впервые прозвучало имя Михаила Федоровича Романова: «а на Московское государство выбрать нам государя всю землю, собравшись со всеми городами, которого нам государя Бог подаст».

С этого дня Филарет превратился в «крепкий адамант» (алмаз), по выражению летописи, призывая русских людей всем вместе «стати против... злодеев». Впереди его ждали еще твердое «стояние в правде» на переговорах с Сигизмундом III под Смоленском, восьмилетний польский плен и триумфальное возвращение в Москву для того, чтобы занять пустовавший патриарший престол с титулом «Великого государя» и стать фактическим правителем государства (1619). Судьба, так долго водившая Филарета возле московского трона, наконец позволила ему присесть на его краешек. Теперь ему предстояло избывать последствия Смуты, которую когда-то он сам и накликал на Русскую землю.

Литература

1. Цветков С. Э. Дмитрий I, царь Московский: Беллетриз. биогр.; Марина Мнишек: Исторический очерк. — М.: Центрполиграф, 1999. — 472 с.